

ИЗДАТЕЛИ
ВСЕГО МИРА
РЕКОМЕНДУЮТ

Читайте в серии:

Джесси Бёртон

Миниатюрист

Рейчел Джойс

Песнь любви мисс
Куини Хеннесси

Невероятное паломничество
Гарольда Фрая

Операция «Перфект»

*РЕЙЧЕЛ
ДЖОЙС*

ОПЕРАЦИЯ
«ПЕРФЕКТ»

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Rachel Joyce
PERFECT

Copyright © Rachel Joyce, 2013.
This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd. and
Synopsis Literary Agency

Фото автора © David Fisher / Rex Shutterstock / Fotodom.ru

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Джойс, Рейчел.

Д42 Операция «Перфект» / Рейчел Джойс ; [пер. с
англ. И. А. Тогоевой]. — Москва : Издательство
«Э», 2016. — 512 с. — (Издатели всего мира реко-
мендуют. Проза Джесси Бёртон и Рейчел Джойс).

ISBN 978-5-699-90121-0

Байрон Хеммингс знал, что его мать — не такая, как все. Изящная, хрупкая, очень красивая, неизменно сдержанная и приветливая, Дайана вела себя как настоящая леди. И никто, кроме Байрона, за этой сдержанностью не замечал бурю эмоций, которые она старательно подавляла, пытаясь играть навязанную ей роль.

Байрон точно знал, что мать нуждается в его защите, он чувствовал себя мудрее и старше ее. Но он был всего лишь ребенок, а ведь даже взрослые не всегда находят силы противостоят судьбе.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90121-0

*Моей матери
и моему сыну Джо*

Джеймс Джеймс
Моррисон Моррисон
Уэтерби Джордж Дьюпри

Очень заботился
О своей матери,
Хоть и стукнуло ему только три.
Джеймс Джеймс

Сказал своей матери:
«Не ходи ты к реке,
Что течет вдалеке,
Чтобы не утонуть одной.
Лучше ты возьми меня,
И тогда средь бела дня
Мы утонем вместе с тобой».

А.-А. Милн. Непослушание.

Боги всегда рядом, зови их — не зови.

Джеймс Хилман

Пролог

Дополнительные секунды

В 1972 году к суткам были прибавлены две секунды. Британия согласилась присоединиться к Общему Рынку, и лозунг «Попрошайничай, кради или бери в долг», взятый на вооружение группой «New Seekers», стал визитной карточкой Евровидения. Две же секунды прибавили, потому что год был високосный, и точное время как бы перестало совпадать с периодом обращения Земли вокруг Солнца. «New Seekers» не выиграли на песенном конкурсе Евровидения, но это не имело никакого отношения ни к периоду обращения Земли, ни к двум добавленным секундам.

А вот Байрона Хеммингса эти изменения во времени привели в ужас. В свои одиннадцать лет он обладал весьма развитым воображением и ночью лежал без сна, представляя себе, как все это произойдет. Сердечко его трепетало, как пойманная птица, а глаза неотрывно следили за стрелками часов, пытаясь засечь решающее мгновение.

— Когда же, наконец, это сделают? — спросил он у матери.

Мать стояла у нового кухонного стола и крошила яблоко, разрезав его на четвертушки. Лучи утреннего солнца, проникнув сквозь стеклянную дверь, лежали на

полу ровными квадратами, в которых так приятно было стоять.

– Наверно, как-нибудь ночью, когда мы все спать будем, – предположила она.

– Когда все будут спать?! – Значит, дела обстоят еще хуже, чем он думал.

– А может, наоборот, когда все будут бодрствовать.

Байрону показалось, что мать не очень-то представляет себе важность этого события.

– Две секунды – это такая малость, – улыбнулась она. – Сядь, пожалуйста, и выпей «Санквик». – Ее ясные глаза так и сияли, на ней была тщательно отглаженная юбка, волосы только что вымыты и уложены феном.

О двух дополнительных секундах Байрон узнал от своего друга, Джеймса Лоу. Джеймс был самым умным мальчиком среди знакомых Байрона и каждый день читал газету «Таймс». Он назвал прибавку двух секунд событием «ужасно волнительным». Сперва люди высадились на Луне. Теперь они собираются изменить время. Но откуда возьмутся и как смогут существовать эти две секунды там, где их никогда не было? Как можно ко Времени прибавить что-то совершенно лишнее? Ведь это явно небезопасно. Байрон так и сказал, но Джеймс тут же с улыбкой возразил: «В том-то и заключается прогресс!»

Байрон написал четыре письма: одно члену парламента от их округа, второе в NASA, третье издателям книги рекордов Гиннеса и последнее мистеру Рою Каслу, возглавлявшему BBC. Он попросил мать поскорее отправить все четыре письма, сказав, что это очень важно.

Вскоре он получил фотографию с подписью Роя Касла и иллюстрированную брошюру о полете «Аполлона-15» и его «прилунении», но о двух дополнительных секундах в письме не говорилось ни слова.

Но всего через несколько месяцев все у них в доме переменилось. Все часы теперь показывали разное время, а ведь раньше мать Байрона всегда тщательно за ними следила и не забывала завести. Дети ложились спать, когда чувствовали себя усталыми, и ели, когда испытывали голод, и порой дни, похожие друг на друга, как близнецы, тянулись бесконечно долго. Так что если в течение этих двух, прибавленных к году, секунд случилось столько всяких ошибок — причем столь катастрофических, что, как казалось Байрону, *если эти две секунды убрать, никаких ошибок могло бы не быть вовсе*, — то разве решение о двух дополнительных секундах не было ошибочным? Или даже преступным?

— Ты тут ни при чем, — говорил Байрон матери. К концу лета ее часто можно было застать на дальнем конце луга у пруда. В те дни завтрак для нее готовил сам Байрон — чаще всего это был просто завернутый в фольгу треугольный сэндвич: два ломтика хлеба и между ними кусочек сыра. А мать сидела в кресле, позванивая льдом в бокале с водой, и бездумно пересыпала в пальцах семена какой-то травы. Вдали сверкала пустошь, окутанная вуалью светящегося тумана, прозрачного, как лимонный шербет, луг был усыпан цветами. — Мам, ты меня слышишь? — Этот вопрос Байрон повторял постоянно, потому что мать явно забывала, что рядом с ней кто-то есть. — Все это случилось из-за двух добавленных секунд. Это же просто несчастный случай! Чистая случайность!

И мать, чуть приподняв подбородок, улыбалась ему и говорила:

– Ты хороший мальчик. Спасибо тебе.

Вся эта история, собственно, и произошла из-за какого-то крошечного сдвига во времени. Но эхо этого сдвига ощущалось потом долгие годы. Из двоих юных друзей, Байрона и Джеймса, лишь один сумел не сбиться с курса. И порой Байрон, глядя в темное небо над пустошью, где так явственно пульсировали звезды, что даже сама тьма казалась живой, с болью думал: как хорошо было бы снова убрать эти две лишние секунды! Он думал о том, что Время свято и неприкосновенно и эту святую неприкосновенность следует соблюдать.

Лучше бы Джеймс ничего ему не рассказывал!

Часть первая

Внутри

Глава 1

Нечто ужасное

Джеймс Лоу и Байрон Хеммингс учились в школе «Уинстон Хаус», потому что она была частной. Рядом – и гораздо ближе – была еще одна начальная школа, но она не была частной, она была для всех, и туда ходили дети из микрорайона Дигби-роуд, застроенного муниципальными домами. И эти дети, проезжая на школьном автобусе мимо учеников «Уинстон Хаус», швыряли в них апельсиновыми корками и окурками. Ученики «Уинстон Хаус» на автобусе не ездили. Родители, в основном матери, привозили их в школу на собственных автомобилях, к тому же ехать до школы им всем приходилось довольно далеко.

Будущее учеников школы «Уинстон Хаус» было тоже расписано, как по нотам. В жизни каждого из них были заранее известны и начало, и середина, и конец. На следующий год им предстояло сдать общий вступительный экзамен¹. Самые умные завоюют право на стипендию и в свои тринадцать лет будут жить на полном пансионе. У них будет идеально правильное произношение,

¹ Общий вступительный экзамен сдается в возрасте 13 лет по окончании шестого класса на стипендиальном уровне для поступления в привилегированную частную среднюю школу, стипендия на руки не выдается и идет в счет платы за обучение (здесь и далее примечания переводчика).

они будут изучать правильные вещи и встречаться с правильными людьми. Затем последует обучение в Оксфорде или Кембридже. Родители Джеймса подумывали о колледже Сейнт-Питерс, родители Байрона – об Ориэле¹. Далее им была уготована карьера юриста или высокооплачиваемого чиновника в Сити, или в церкви, или в вооруженных силах – в точности как у их отцов. Через какое-то время им предстояло обзавестись собственной квартирой в Лондоне и большим загородным домом, где они будут проводить уик-энды с женой и детьми.

Итак, наступил июнь 1972 года. По утрам яркая полоска зари просвечивала сквозь голубые занавески в комнате Байрона, и первые солнечные лучи скользили по аккуратно разложенным на столе вещам: годовой подписке журналов «Лук энд Лерн»², альбому с марками, карманному фонарику, новой книге по магии «Абракадабра» и набору по химии, полученному на Рождество, в который входила настоящая лупа. На стуле висела школьная форма Байрона, накануне тщательно выстиранная и выглаженная матерью и до странности похожая на некоего плоского мальчика. Байрон проверил часы – и наручные, и будильник. Минутные стрелки двигались равномерно. Он прошел через холл, тихонько отворил дверь в комнату матери и, как всегда, присел на краешек кровати.

Она лежала совершенно неподвижно. Волосы золотым кружевом рассыпались по подушке, лицо чуть трепетало при каждом вздохе, как поверхность воды в пруду. Сквозь

¹ Сейнт-Питерс – колледж Оксфордского университета, основан в 1929 г.; Ориэл – колледж Оксфордского университета, основан в 1326 г.

² Еженедельный журнал для детей 9–15 лет «Смотри и учись» («Look and Learn»), который публикует статьи по различным отраслям науки, литературе, истории; основан в 1962 г.

нежную кожу рук просвечивали тонкие сиреневые вены. У самого Байрона руки были по-детски мягкие и пухлые, как персик, а вот у Джеймса вены уже отчетливо проступали и тонкими нитями тянулись от костяшек пальцев к запястью, обещая в недалеком будущем превратиться в выпуклые извилистые «веревки», как у взрослых мужчин.

В половине седьмого будильник разорвал царившую в спальне тишину, и мать сразу открыла глаза, так и сверкнувшие синевой.

— Привет, солнышко.

— Мне как-то не по себе, — сказал Байрон.

— Господи, неужели ты снова об этих секундах? — Она взяла стакан с водой и приняла свою ежедневную таблетку.

— Может, их уже сегодня, наконец, прибавят?

— Неужели Джеймса это тоже так волнует?

— Нет, он, по-моему, и вовсе об этом позабыл.

Мать вытерла губы, и Байрон увидел, что она улыбается. На щеках у нее сразу появились две крохотные ямочки, словно кто-то пальцем нажал.

— Время у нас уже меняли, и не раз. И еще наверняка будут менять. Если эти секунды действительно добавят, об этом сразу же напишут в «Таймс». И уж в «Нэшнуайд»¹ все, конечно же, подробно расскажут.

— У меня сразу же голова болеть начинает, стоит об этом подумать, — пожаловался Байрон.

— Да ты даже не заметишь, когда это случится. Две секунды — это такой пустяк.

У Байрона от возмущения аж кровь бросилась в лицо. Он резко вскочил, потом снова сел и воскликнул:

¹ Информационная программа «Nationwide» («По стране»), которая подготавливается студиями различных городов и передается пять раз в неделю по каналу ВВС с 1969 г.